

АРИНА РОЗ

Сделка
ЖИЗНИ

18+

Арина Роз

Сделка жизни

<https://litres.ru/74438688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спор с лучшей подругой на неприступного майора ФСБ? Легко!

Моя жизнь - бесконечные тусовки, дорогие клубы и полное отсутствие обязательств. И вот я уже свидетельница убийства.

Единственный человек, который может мне помочь - тот самый майор, на которого я поспорила...

Он назвал меня пустышкой!

Что ж! Я докажу ему, что сама смогу найти убийцу.

О! Кажется, монстр выбрал новую жертву.

Что? Меня?

Меня зовут Василиса Ромашкина. И, кажется, я влипла.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ТАК СЕБЕ МЕРОПРИЯТИЕ	8
ГЛАВА 2. СЛАБО?	14
ГЛАВА 3. ИГРА НАЧИНАЕТСЯ	19
ГЛАВА 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	23
ГЛАВА 5. ДЕСЯТЬ МИНУТ	28
ГЛАВА 6. НЕ РАЗВИДЕТЬ	33
ГЛАВА 7. РОЗОВЫЙ ПОЛУШУБОК	38
ГЛАВА 8. ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА?	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сделка жизни

ПРОЛОГ

Когда я пришла в себя, то сразу пожалела об этом.

Нет, серьезно. Голова болела слишком сильно. Даже при самом страшном похмелье такого никогда не бывало.

Стоп, а где я вообще нахожусь? Что произошло?

Сознание прояснялось постепенно, а вместе с ним и становилось понятно, что больная голова, увы, не самая моя большая проблема на данный момент.

Передо мной была непроглядная тьма — ни проблеска, ни силуэта, ни намек на источник света. Абсолютное ничто. Я заморгала, но картинка не изменилась. Тогда я попыталась пошевелиться.

И тут же осознала, что не могу.

Руки были заведены за спину. Запястья стянуты чем-то жестким, впивающимся в кожу при любом движении. Лодыжки примотаны к ножкам стула — я сидела, неестественно выпрямив спину. Голова тяжелая, словно налитая свинцом, и каждое движение отдавалось глухой пульсирующей болью в затылке.

Что...

Мысли путались, тонули в липкой, вязкой субстанции, похожей на болотную жижу. Я не помнила, как здесь оказалась.

Не помнила, сколько времени прошло. Даже то, какой сегодня день.

А темнота сжимала комнату, давила на грудную клетку, и с каждым выдохом становилось все труднее набрать воздух в легкие. Я дернула руками сильнее — запястья пронзила острая боль, а стул жалобно заскрипел, но не сдвинулся ни на миллиметр.

Вот черт.

Я замерла, прислушиваясь к себе. Тишина была оглушающей, почти физически ощутимой. Ни звука с улицы, ни шагов за стеной, ни даже привычного городского гула. Словно меня запечатали в герметичном контейнере и бросили в пустоту.

К горлу подкатила тошнота. Или это страх? Или удушье? Я больше не различала эти ощущения — они смешались в один сплошной, гудящий ком, который распирал изнутри и не находил выхода.

Я попыталась вспомнить хоть что-то: последний вечер, лица, разговоры. В памяти — лишь обрывки, картинки, которые не складывались в целое.

Вечеринка. Крыша. Спор с Никой. Как давно это было?
— Дура ты, Васька.

— Да этого Зорина я одной левой...

Дальше — провал. Никаких воспоминаний. Только смазанное пятно, вспышка боли в затылке и эта темнота.

Я сглотнула. Горло пересохло, язык будто прилип к небу.

Во рту стоял привкус металла и какой-то химической горечи. Меня накачали? Ударили? И то, и другое?

Твою мать.

Я сильнее дернула руками, не обращая внимания на боль. Стул остался на месте. Я попробовала оттолкнуться ногами — те были скованы так надежно, что не шевельнуться.

Сердце колотилось где-то в горле. Паника нарастала, застилала глаза, даже в этой непроглядной тьме. Я зажмурилась, заставляя себя дышать ровнее. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

Не сейчас. Не раскисай.

Я подумала о Нике. Уж она-то наверняка уже хватилась бы, подняла на уши всех друзей и знакомых, а может, и родителей. Но и Зорин мог забеспокоиться.

А вдруг нет?

Мысли разбегались, цеплялись друг за друга, рождая все новые картины — одну страшнее другой. Я пыталась отогнать их, но не могла. Голова раскалывалась, к горлу снова подступила тошнота, и в какой-то момент я перестала понимать, где реальность, а где бред.

Я не знала, сколько прошло времени. Минуты? Часы? В темноте время теряло смысл.

Но вдруг я ощутила едва уловимое движение воздуха. Кто-то появился рядом.

Я замерла, даже дышать перестала. Прислушалась.

Шаги. Мягкие, почти бесшумные. Кто-то обходил меня со

спины, остановился прямо за стулом. Я чувствовала чужое тепло, чужое дыхание — и от этого мурашки побежали по спине, а волосы на затылке встали дыбом.

— Очнулась? — голос тихий, почти ласковый.

Мое сердце пропустило удар, чтобы забиться с такой силой, что, казалось, ребра треснут.

Я узнала этот голос. И осознание того, кто рядом со мной, оказалось страшнее, чем сама темнота.

— Ты... — прошептала я пересохшими губами.

— Тише, — голос стал мягче. — Все уже почти закончилось.

Легкое прикосновение к плечу — и меня пробила дрожь. Я дернулась, пытаясь сбросить чужую руку, но та только крепче сжала захват.

— Зачем? — выдавила из себя я. Голос сорвался, превращаясь в жалкий писк.

В ответ — тихий, почти ласковый смех.

— Ты забрала то, что принадлежит мне. И теперь пришло время ответить за это.

Секунда тишины. А потом шаги отдалились. Я осталась одна в темноте, привязанная к стулу, с бешено колотящимся сердцем и единственной мыслью, пульсирующей в раскалывающейся голове:

«Она меня убьет».

ГЛАВА 1. ТАК СЕБЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Мерзкий ноябрьский дождь летел в лицо. Руки вечно мерзли, даже в самых дорогих перчатках, а вокруг — сплошная питерская серость, разбавленная дешевыми понтами, пестрыми вывесками и бесконечными пробками. Люди копошатся, вечно куда-то спешат, бегут за модой и ценностями, которые уже завтра — пуф! — и след простыл.

Питер в своем мрачном великолепии — отдельный вид искусства.

Здесь на одной улице можно увидеть расцвет и упадок всего одновременно. Мрачные гранитные набережные и сияющие витрины бутиков. Студенты с айпадами в руках и алкаши у метро. Дорогие иномарки и разбитые «Логаны». Раскрепощение моральное и физическое. Культурная столица в эпоху инфлюенсеров, тикток-блогеров и тотальной цифровизации. Эпоха, когда каждый хочет стать знаменитым, но никто не знает цену настоящей славе.

Я могу точно сказать, что мы живем в совершенно сумасшедшее время, и, знаете, Питер — идеальная декорация для всего этого безумия.

Кстати, обо мне. Я — Василиса Ромашкина. Для друзей — просто Васька или Василек, если Ника в хорошем настро-

ении, что, спойлер, бывает не так-то часто. Наверное, стоит описать себя? Что ж, минутка самолюбования никогда не бывает лишней. Я стройная, невысокая девчонка с большими, как две бездны, черными глазами, длинными блестящими волосами молочного оттенка, острыми скулами и говорящей фамилией, которая вечно вызывает кривые улыбки у преподавателей на журфаке. По крайней мере, примерно так меня описывал мой бывший — Егор. Не то, чтобы это достоверный источник, судя по тому, что еще вылетало из его рта, но все-таки на правду похоже. А вот по мнению одной из моих бывших одноклассниц лицо у меня «на любителя». Пухлые губы, вздернутый аккуратный нос, веснушки на щеках. Кстати, я не считаю себя супермоделью, но вот начинаю себя описывать и думаю: «до чего же хороша!». Мне часто говорят, что я похожа на подростка, и вообще, взгляд у меня невинный.

Но невинной Василису Ромашкину назвать нельзя. Не-а.

В свои двадцать два я училась на последнем курсе журфака СПбГУ, и, честно говоря, учеба давалась мне на удивление легко. Я из тех счастливчиков, кто схватывает все на лету: материал впитывается сам собой, тексты пишутся за час, а преподаватели уже на втором курсе начали пророчить мне блестящее будущее. Мол, природный дар, чутье на сенсации и умение докопаться до сути. Может, и так.

Но пока что мое «блестящее будущее» представляло собой бесконечные тусовки, дорогие рестораны и ночные клу-

бы, из которых меня и Нику иногда вывозили под утро знакомые ребята на своих «Майбахах». Мы были мажорками — и плевать, как это звучит. Родители Ники владели сетью ювелирных магазинов, а у моих своя строительная империя, о которой я не особо любила распространяться. Они снимали нам квартиры в центре, соседние подъезды, чтобы мы могли бегать друг к другу в любое время суток в тапках и с бутылкой вина.

Мы вели праздный образ жизни. Тусовались, пили, гуляли, встречались с парнями, с которыми не планировали будущего, и жили так, будто завтра не наступит никогда.

Ника Паленкова — моя лучшая подруга, которая знала обо мне все. Ну, или почти все. Она из тех девчонок, которые умеют себя поставить и при этом не растерять свое «я» ни при каких обстоятельствах. Вечно собранная, с безупречным макияжем и маникюром, она умудрялась выглядеть на миллион даже после ночи, проведенной в клубе. В ее списке побед числилось много завидных имен — от популярных блогеров до сынков миллионеров. Однажды она даже танцевала на столе в «Gazgolder» с одним очень известным репером. Вот это да, правда?

Ладно, что-то я затянула с самопрезентацией. Вернемся к насущному.

В центре опять творилась дичь. Сегодня вечер пятницы, а значит, вокруг «Гинзы» и прочих модных мест толпилось огромное количество сомнительных личностей. Многие уже

пьяные и навеселе. Кого-то, кажется, даже тошнило за углом в переулке, а кто-то, не стесняясь, «облизывали» друг друга у всех на виду. Кому-то не повезло — и его повязали менты еще до того, как он успел войти в клуб, за неподобающее поведение. Несколько ребят через дорогу чуть не устроили драку, а вон та парочка — тощий парень в широких штанах с цепями и девица с кислотным цветом волос — очень мило обжималась, передавая друг другу бутылку дешевого джина и пьяно горлопаня песни на весь район.

Кто-то сегодня встретит свою любовь. А кому-то наверняка повезет меньше, и его увезут ногами вперед. Как решит случай.

Такие расклады здесь — обычное дело.

Я шла по Лиговскому, кутаясь в куртку, и с тоской косилась на дверь модного клуба. Туда сегодня вечером ломилась вся питерская тусовка — какое-то громкое открытие после ремонта, селебрити, бесплатный бар и тонны пафоса. Охрана на фейс-контроле отсеивала «неформат», девицы в коротких платьях визжали от восторга, парни в дорогих куртках пытались пройти без очереди. Вспышки фотокамер то и дело освещали толпу — местные папарацци охотились за звездами.

Я проводила взглядом очередную счастливицу, которую пропустили внутрь, и тяжело вздохнула.

— Ника, ну зачем нам на эту конференцию? — повернулась я к подруге, которая с видом королевы разглядывала

свое отражение в телефоне, даже не глядя по сторонам. —
Смотри, какой движ. Мы могли бы быть там.

— Вась, хватит ныть. — Ника оторвалась от созерцания собственных ресниц и поджала губы. — Ты обещала, что мы сходим. Мы туда и обратно. И вообще, может, после конференции они сами в клуб поедут.

— Кто — они?

— Организаторы. Выступающие. Тот самый майор Зорин, про которого я тебе рассказывала.

Я закатила глаза, но спорить не стала. Ника умела быть убедительной, когда хотела, а спорить с ней в пятницу вечером, промокнув под дождем, не было ни сил, ни желания.

— О черт, вечер обещает быть потрясающе скучным. — Я беспомощно вздохнула.

— Серьезно? Хорошо ворчать, улыбнись лучше в камеру, нас снимают, — Ника кивнула в сторону парня с профессиональной камерой, который крутился у входа в тот самый клуб, в который мы по какой-то безумной причине не собирались идти. Он явно старался выхватить из толпы самых ярких персонажей.

Ника профессионально вытянула ногу, оголяя часть бедра в высоком разрезе пальто и юбки, и кокетливо улыбнулась в объектив, перекинув на одно плечо свои светлые волосы. Ей повезло с кукольным личиком, только успевай улыбаться. Я по инерции состроила томное лицо, приоткрывая губы и высокомерно вздергивая подбородок. Вспышка ослепила глаза.

Кадр наверняка получится изумительным. Наверное, родители будут не в восторге, если увидят, но это только прибавляло ситуации остроты.

— Ладно, води уже, — сдалась я.

ГЛАВА 2. СЛАБО?

Мы двинулись не в сторону клуба, а дальше по улице, к солидному зданию из стекла и бетона, где располагался какой-то бизнес-центр. Туда шли совсем другие люди — не размалеванные девицы и парни в кожаных куртках, а серьезные, сосредоточенные студенты, преподаватели, журналисты. Спокойно, без визга и драк.

На входе проверяли приглашения, но Ника и здесь знала, кому надо улыбнуться, чтобы нас пропустили без лишних вопросов.

Внутри оказалось просторно и по-деловому дорого. Высокие потолки, мягкий свет, удобные кресла, сцена с проектором. Народу было много, но не толпа — человек сто, не больше. Все чинно рассаживались, перешептывались, листали программки.

Мы заняли места во втором ряду, почти у самой сцены. Я положила ногу на ногу, поправила волосы и огляделась.

— Ну и что здесь интересного? — спросила я, уже предвкушая, как заскучаю через десять минут.

— Подожди, увидишь, — загадочно ответила Ника.

Свет приглушили, на сцену вышел ведущий, объявил начало конференции. Первые выступающие говорили о взаимодействии СМИ и правоохранительных органов, о важности объективной информации, о том, как правильно освещать

щать резонансные преступления. Я слушала краем уха, рассматривая зал.

Потом на сцену поднялись трое мужчин в костюмах. Первый — полноватый, лысеющий, сразу понятно: многое видел и его ничем не удивить. Второй — молодой, темноволосый, с острым взглядом и легкой небритостью на щеках. Третий...

Третий был именно тем, ради кого Ника притащила меня сюда.

— Смотри, смотри, это он, — зашептала Ника, вцепившись мне в руку.

Он был чуть выше других мужчин, что стояли рядом, подтянутый, с правильными чертами лица и внимательными серыми глазами. Темные волосы аккуратно уложены, но не настолько, чтобы выглядеть пафосно. Костюм сидел идеально, сдержанная роскошь в чистом виде. Он выглядел... правильно, что ли? Слишком правильно и сосредоточенно, чтобы зацепить меня. Но почему-то вдруг зацепил.

Антон Зорин, значит. Майор ФСБ. Чуть за тридцать.

— И что в нем такого особенного? — Я пожала плечами, стараясь не показывать, какое впечатление он на меня произвел. — Обычный силовик.

— Обычный? — Ника фыркнула. — Ты бы знала, сколько девчонок из нашего универа по нему сохнут. Он же периодически читает лекции на юрфаке. Говорят, неприступный, как скала.

— Влюблена в него, что ли? — усмехнулась я.

— Да куда уж там. Зачем мне такие сложности? — Ника хитро прищурилась. — Но знаешь... Я готова поспорить, что и ты его не склеишь.

Я медленно повернулась к подруге. В ее глазах горел тот самый огонек, который появлялся всегда, когда она придумывала очередную авантюру.

Дело в том, что была у нас дурацкая привычка бросать друг другу всякие необычные вызовы. С Никой мы дружили, что называется, с пеленок. Наши отцы хорошие товарищи и в прошлом партнеры по бизнесу. Мы все с Никой делали вместе. Играли в песочнице, доводили до исступления нянек, ходили вместе по магазинам и даже поступили в один универ.

И вот сейчас Ника говорила так, потому что негласно я, как бы так сказать, была «роковой красоткой». Ну, то есть я-то так никогда не считала, но вот парни в моем окружении с готовностью с этим спорили. В общем, не буду скромничать, отказать мне было трудно, как показывала практика. Но и Ника не промах.

— Серьезно? — Я выгнула бровь.

— Абсолютно. Он из тех, кто на всю эту нашу мажорскую мишуру смотрит свысока. Девушка у него есть, говорят, очень серьезные отношения. Он не поведется ни на улыбки, ни на декольте, ни на твою знаменитую способность обаять любого мужчину.

— И на что спорим?

— На мою новую кофточку от Gucci. Ту самую, лимитированную, на которую ты уже месяц облизываешься.

Я задумалась. Кофточка была шикарной — мягкий розовый кашемир, идеальный крой, та самая вещь, за которую я готова была убить. Но дело было даже не в ней. Дело было в принципе. Ника никогда не бросала мне вызов просто так. Она была уверена в своей правоте. А это значило, что Зорин тот еще кремень.

И это лишь подстегнуло мое желание его раскусить.

— Идет. — Я пожала протянутую руку подруги, не отрывая взгляда от сцены. — Готовься расстаться со своей лучшей шмоткой.

Мы рассмеялись, привлекая внимание соседей по ряду, и тут же замолчали, когда ведущий объявил выступление Зорина.

Он поднялся, подошел к микрофону. Не пользовался бумажками, не смотрел в телефон. Тотальная собранность и профессионализм.

Голос у него оказался низким и вкрадчивым. Он не жестикулировал, не старался казаться понятным. Просто излагал факты. Сухо, четко, без лишних эмоций и воды.

— За последние полгода в Санкт-Петербурге зафиксировано четыре случая исчезновения девушек в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, — начал он, и по залу прокатился легкий шумок. — Все они были обнаружены мертвыми в разных районах города. Фотографии с мест преступления

попали в сеть, поэтому детали, которые я сейчас назову, уже не являются тайной следствия.

Он сделал паузу, обводя взглядом зал. Я поймала себя на том, что не моргаю.

— Всех жертв объединяют два обстоятельства. Первое: на лбу каждой вырезан маленький крестик. Второе: руки сложены на груди, как у покойницы в гробу.

В зале стало тихо. Даже Ника перестала крутить головой и застыла, глядя на сцену.

— Мы не можем на сто процентов утверждать, что в городе действует серийный убийца, — продолжал Зорин. — Однако характер преступлений, почерк, а также некоторые детали, которые я не могу раскрыть в рамках публичного выступления, дают нам основания подозревать именно это.

Он рассказывал еще минут двадцать. О психологическом портрете предполагаемого преступника, о трудностях расследования, о важности своевременного информирования правоохранительных органов о любых подозрительных фактах. Говорил профессионально, без надрыва, но от этого его слова звучали еще убедительнее.

А я смотрела на него и думала: «Как же тебя раскусить, майор Зорин?».

ГЛАВА 3. ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

Когда выступление закончилось, ведущий объявил перерыв. Зал оживился, загудел. Люди потянулись к сцене, к выступающим, чтобы задать вопросы, фотографироваться. Ника дернула меня за руку.

— Давай, Вась, покажи класс.

— Что прямо сейчас? — растерялась я.

— А чего тянуть? — Ника усмехнулась. — Будь смелее. Или слабо?

Слабо. Конечно, слабо. Но не признаваться же.

Я поправила волосы, одернула короткое платье, глубоко вдохнула и направилась к сцене. Зорин стоял у края, разговаривая с каким-то пожилым мужчиной. Я подождала, пока они закончат, и шагнула вперед.

— Здравствуйте. — Я улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой, той, которая обычно плавила лед в любых сердцах. — Василиса Ромашкина, журфак СПбГУ. Можно задать вопрос?

Майор повернулся ко мне. Его серые глаза скользнули по моему лицу, задержались на секунду и сразу потеряли интерес.

— Слушаю, — сказал он ровно, без намека на улыбку.

— Вы сказали о психологическом портрете преступника.

— Я сделала шаг ближе, поправила лямку платья, которая —

о ужас! — совсем не вовремя сползла с плеча. — Не могли бы вы уточнить, почему все жертвы — девушки из обеспеченных семей? Это случайность или часть почерка убийцы?

— Хороший вопрос. — Зорин кивнул. — Но ответ на него я не могу дать в рамках публичного выступления. Извините.

Вот, оно. В рамках публичного выступления, значит. Я быстро сориентировалась.

— Тогда вынуждена предложить обсудить вопрос в более конфиденциальной обстановке. За чашечкой кофе, например. — Я снова улыбнулась.

Зорин, кажется, завис на пару мгновений. Наверное, он ошалел от моей наглости, но меня это даже забавляло.

— Нет, — просто отрезал он.

И все. Просто «нет». Интересно, насколько быстро изменилось выражение моего лица? Он уже поворачивался к следующему человеку. Я не успела даже ничего добавить.

— Подождите... — начала было я, но майор уже слушал кого-то другого.

Я стояла как дура, с открытым ртом, чувствуя, как щеки заливают краской. Ника уже была рядом, и ее лицо сияло от восторга.

— Ну что, Ромашкина? — Она хихикнула. — Похоже, кофточка все еще моя.

Я не ответила. Смотрела на спину Зорина и чувствовала, как во мне закипает глухое, упрямое раздражение.

И в этот момент я поймала на себе чей-то взгляд.

Он был тяжелым, слишком внимательным — таким, от которого по коже бегут мурашки, даже если не понимаешь, в чем дело. Я повернула голову и встретила глазами с девушкой, стоящей в нескольких метрах от сцены.

Миловидное лицо, короткие светлые волосы, аккуратная стрижка. Одета со вкусом — дорогая, но неброская одежда. Она не подходила к выступающим, не разговаривала ни с кем из коллег Зорина. Просто стояла, скрестив руки на груди, и смотрела.

Кажется, прямо на меня.

В ее взгляде не было обычного любопытства, которое вызывают у людей незнакомцы. Не было и той вежливой отстраненности, которую я привыкла видеть на таких мероприятиях. В нем было что-то другое. Что-то, от чего становилось некомфортно.

Словно она сканировала меня, запоминала. И черт знает зачем бы ей это было нужно.

Я невольно сжала пальцы в кулак. Сердце екнуло, но я заставила себя не отводить взгляд. Мы смотрели друг на друга несколько секунд — достаточно, чтобы я успела заметить легкий изгиб ее губ. Не улыбку. Скорее, усмешку.

Потом она просто развернулась и ушла в сторону выхода, даже не обернувшись.

— Вась, ты чего? — Ника толкнула меня в плечо. — Застыла как статуя.

— А ты не знаешь, случайно, кто это? — спросила я, кив-

нуж в сторону удаляющейся фигуры.

— Понятия не имею. — Ника пожала плечами. — А что такое?

— Ничего. — Я покачала головой, прогоняя странное ощущение. — Показалось, будто знакомы.

Но внутри остался неприятный осадок.

— Ладно, поехали отсюда. — Я взяла Нику под руку. — Надоело.

— В клуб? — Она обрадованно заулыбалась, как будто не сама притащила нас сюда.

— В клуб, — кивнула я, чувствуя, как напряжение потихоньку отпускает.

Мы вышли на улицу, и холодный ноябрьский ветер ударил в лицо, прогоняя остатки странного ощущения. Вдох — выдох. Питер, дождь, огни клубов впереди. Все как обычно.

«Ничего, майор, — подумала я, глядя на удаляющуюся машину, на которой, кажется, уезжал Зорин. — Игра только начинается».

ГЛАВА 4. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Прошло несколько дней. Конференция забылась, как забывается все, что не связано с гулянками, тусовками и прочими прелестями ночной жизни. Почти забылась.

Образ сероглазого майора с невозмутимым лицом периодически всплывал в моей голове в самые неподходящие моменты. То в душе утром, когда я смывала остатки вечернего макияжа. То за ужином, когда мама звонила с очередными наставлениями. То в такси, когда мы с Никой ехали на очередную тусовку.

— Да забей ты на него. — Ника отмахнулась, обновляя хайлайтер на скулах. — Подумаешь, не поздоровался нормально. Еще наклюкается где-нибудь и сам тебя найдет.

— Он не наклюкается, — буркнула я, глядя в окно на проплывающие мимо огни ночного Питера. — Он же из ФСБ. Они там вообще пьют?

— Пьют, еще как, — усмехнулась Ника. — Мне папа рассказывал. Они ж такие же люди, только форма другая.

Я не ответила. Машина остановилась у входа в модный клуб-ресторан на набережной — одно из тех мест, куда просто так не попасть, если ты не в теме. Охрана на фейс-контроле узнала нас с Никой сразу, кивнула, и мы прошли

внутри, даже не доставая приглашения.

Внутри было шумно, людно и пахло дорогим парфюмом вперемешку с кальянным дымом. Барная стойка сияла подсветкой, за ней сустились бармены, смешивая коктейли в неоновых стаканах. На небольшой сцене у дальней стены играла какая-то молодая группа — ребята с гитарами, с модными прическами и правильным, чуть отстраненным взглядом. Они были похожи на тысячу других таких же групп, что играют в питерских клубах, надеясь однажды проснуться знаменитыми.

Мы заняли столик в углу, откуда хорошо просматривался весь зал. Ника сразу заказала бутылку дорогого шампанского, я — свой любимый «Манхэттен». К нам подтянулись знакомые: Димка с экономического, с которым мы когда-то целовались на дне рождения общей подруги, его друг Саша, который вечно пытался произвести впечатление, но каждый раз выглядел нелепо, еще пара девчонок с нашего курса, с которыми мы здоровались в коридорах универа и иногда обсуждали скидки в ЦУМе.

— Васька, ты чего такая кислая? — Димка наклонился ко мне, обдавая запахом дорогого виски. — Парень, что ли, какой не перезвонил?

— Да какой парень! — Я отмахнулась. — Буду я еще переживать по такой херне.

— Странная ты. — Он покачал головой и вернулся к разговору с Сашей.

Я снова окинула взглядом зал. Народу было много — человек сто, не меньше. Все одеты с иголочки, с идеальной укладкой и макияжем, все улыбаются и смеются, будто их жизни — сплошной праздник.

И вдруг я увидела его.

Антон Зорин сидел за столиком у противоположной стены, в компании трех мужчин. На нем не было костюма — темные джинсы, простая футболка, легкая куртка. Он выглядел... иначе. Не таким официальным, не таким отстраненным. Но все равно сидел прямо, не развалившись на стуле, как его спутники. Говорил негромко, почти не жестикулировал. Пил, кажется, просто воду или что-то безалкогольное.

— Смотри, кого я нашла. — Я толкнула Нику локтем и кивнула в его сторону.

Ника проследила за моим взглядом и присвистнула.

— Ого. И что, он все-таки отдыхать умеет?

— Не похоже, — усмехнулась я. — Сидит, как на приеме у зубного.

— Так иди, познакомься нормально. — Ника подтолкнула меня. — Скажи, что хочешь взять интервью для курсовой. Он же на конференции выступал, сам виноват.

— Легко сказать. — Я отхлебнула коктейль, чувствуя, как щеки заливают румянец. — А если он опять меня отошьет?

— Значит, кофточка останется у меня. — Ника рассмеялась. — Не дрейфь, Васька. Ты же у нас эксперт по совершению всяких безбашенных штук.

Я помолчала, обдумывая ее слова. Потом допила коктейль, поправила волосы и решительно встала.

— Ладно. Будь что будет.

Я направилась к его столику, лавируя между танцующими парами и официантами с подносами. Чем ближе я подходила, тем сильнее колотилось сердце. Это было глупо. Я знакомилась с сотнями людей, флиртowała с миллионерами и сынками олигархов, танцевала на столах в самых дорогих клубах Москвы и Питера. Что мне какой-то агент ФСБ?

Но когда я оказалась в трех метрах от него, что-то меня остановило.

Зорин не заметил меня. Он слушал своего друга — высокого брюнета с короткой стрижкой, который что-то увлеченно рассказывал, активно жестикулируя. Другой мужчина, постарше, с проседью в волосах, курил и молча кивал. Третий, самый молодой, с бейсболке, смеялся над чьей-то шуткой.

Антон слушал внимательно, иногда вставлял короткие фразы. Он не улыбался, но и не выглядел напряженным. Просто... был в своей тарелке. Среди своих.

Я стояла и смотрела на него, не в силах сделать следующий шаг. Что я скажу? «Привет, я та девушка с конференции, которую вы отшили»? Или «Майор Зорин, можно вас на пару слов»? Глупо. Все глупо.

— Девушка, вам помочь? — Ко мне подошел официант с подносом.

— Нет. Иди, куда шел, — буркнула я и развернулась об-

ратно.

Ника встретила меня понимающей усмешкой.

— Сдулась?

— Передумала. — Я села на место и взяла новый бокал, который кто-то заботливо для меня обновил. — Неудобно как-то. Он с друзьями отдыхает.

— А ты все равно молодец. — Ника сжала мою руку. — Риск — благородное дело.

Я улыбнулась, но внутри все кипело. Почему я не могла подойти к нему? Что со мной не так? Я же никогда не робела перед мужчинами. Никогда.

ГЛАВА 5. ДЕСЯТЬ МИНУТ

Вечер тянулся. Мы пили, смеялись, танцевали. Димка пытался меня поцеловать, я отшутилась. Саша рассказывал какой-то нелепый анекдот, который никто не слушал. Девчонки обсуждали новую коллекцию какого-то бренда, цены на которую были выше моего месячного бюджета, хотя папа переводил мне суммы, которых хватило бы на съем роскошной пятикомнатной квартиры в центре.

Я пила, но не пьянела. Все думала о нем.

К часу ночи компания начала распадаться. Димка с Сашей уехали в другой клуб, девчонки засобирались домой. Ника зевала и говорила, что у нее завтра важная встреча с каким-то новым ухажером, так что надо выспаться.

— Может, тоже поедем? — предложила она.

— Не хочу. — Я покачала головой. — Давай еще погуляем.

— Где?

— Ну не знаю... На крышу, что ли?

Ника посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— На какую крышу? Ты замерзнешь там. И вообще, ты в своем уме? Полночь, холодрыга, а она на крышу собралась.

— Не замерзну. — Я уже вставала из-за стола, натягивая куртку. — Пойдем, Ник. Ну пожалуйста. Не хочу домой.

Она вздохнула, тяжело, обреченно, но поднялась следом.

— Ладно. Только недолго. И чтобы никаких приключений. Ты меня слышишь, Васька? Никаких.

Мы вышли на улицу. Ночной Питер встретил нас холодным ветром и морозящим дождем, который забирается под куртку, под свитер, под кожу, пробирает до костей. Я подняла воротник и поежилась. Ника вызвала такси, и через пятнадцать минут мы были в районе Петроградки, где среди новых жилых комплексов еще сохранились старые пятиэтажки — дореволюционный фонд, с толстыми стенами, высокими потолками и дворами-колодцами, где всегда темно и сыро.

Наша крыша была на одной из таких пятиэтажек. Мы с Никой и нашими друзьями облазили здесь все, когда учились на первом курсе. Тогда же сделали дубликат ключа от замка на чердаке — старый, ржавый, который открывался только после трех оборотов и удара ногой. С тех пор эта крыша была нашим тайным местом. Сюда мы приходили, когда хотелось побыть в тишине, когда нужно было обсудить что-то важное, когда просто хотелось взглянуть на город сверху и почувствовать себя выше всей этой суеты.

— Ну и зачем нам туда? — Ника поежилась, пока мы поднимались по лестнице. На площадках горели тусклые лампы, пахло кошками и сыростью. — Там же холодрыга.

— Хочу подышать. — Я пожалала плечами, доставая из кармана ключ. — И покурить в тишине.

— Курить можно и в машине.

— Не могу я в машине. — Я остановилась у двери на чер-

дак, вставила ключ. Замок поддался не сразу — пришлось надавить коленом. — Там же не видны звезды.

— Какие звезды, Вась? — Ника фыркнула. — Ноябрь. Дождь. Облака.

— А я про них знаю, что они там есть.

Дверь со скрипом поддалась, и мы шагнули в темноту чердака. Я включила фонарик на телефоне — луч выхватил из мрака старые балки, трубы, ворох пыли.

Мы прошли через чердак к металлической лестнице, ведущей на крышу. Я откинула щеколду и толкнула люк.

Холодный воздух ударил в лицо, и я вдохнула его полной грудью.

Крыша была плоской, с невысоким парапетом. Отсюда открывался вид на весь район — старые пятиэтажки, редкие новостройки, шпили соборов вдалеке. Город внизу жил своей ночной жизнью: горели окна, ехали машины, сигналили, где-то играла музыка. Но здесь, наверху, было намного тише. Только ветер и редкие капли дождя.

Я подошла к краю, прислонилась спиной к парапету и закурила.

— Вась, ну что с тобой? — Ника встала рядом, поеживаясь в своей короткой куртке. — Рассказывай.

— Не знаю. — Я выпустила дым в темноту. — Сама не понимаю.

— Из-за этого Зорина?

— Может быть. — Я пожала плечами. — Просто... он ка-

кой-то другой.

— Ну и хорошо, — Ника усмехнулась. — Разнообразие тоже неплохо. Или ты переживаешь, что он не подойдет к твоей новой сумке?

— Да не в этом дело, — вздохнула я, закатывая глаза. — Он зацепил меня чем-то. Понимаешь? Я не могу объяснить. Просто хочется подойти и... поговорить. По-настоящему. Не как с этими павлинами, которые только и умеют, что хвастаться тачками и яхтами.

— О, Васька влюбилась, — пропела Ника, и в свете редких фонарей я увидела ее довольную ухмылку.

— Ничего я не влюбилась, — огрызнулась я, хотя сама не была в этом уверена. — Мне... интересно.

Мы помолчали, глядя на город. Дождь моросил все сильнее, ветер пробирал до костей, но мне не хотелось уходить. Здесь, наверху, я чувствовала себя свободной. Как будто все эти проблемы — учеба, родители, бесконечные тусовки — оставались внизу, а здесь была только я и тишина.

— Ладно. — Ника поежилась и зевнула, прижимаясь спиной к стене, чтобы укрыться от ветра. — Я замерзать начинаю. Ты долго еще?

— Не знаю. — Я докурила сигарету, тут же зажгла следующую. — Минут десять.

— Десять? — Она скептически выгнула бровь. — Я тебя знаю. Ты тут на час зависнешь.

— Ну и что?

— А то, что у меня завтра встреча. — Ника вздохнула. — Вась, слушай. Я внизу подожду, ладно? В подъезде. Там теплее. А ты докуривай и спускайся. Только недолго, хорошо?

Я кивнула.

— Иди. Я быстро.

— Обещаешь?

— Обещаю. — Я улыбнулась. — Десять минут, и я внизу.

— Смотри у меня. — Ника погрозила пальцем, чмокнула меня в щеку и направилась к люку. — Если через пятнадцать не спустишься — поднимусь и уши надеру.

— Иди уже, — отмахнулась я, и Ника спустилась вниз.

ГЛАВА 6. НЕ РАЗВИДЕТЬ

Бесконечные мысли крутились вокруг одного и того же — серых глаз майора Зорина и его спокойного, равнодушного голоса.

«Может, правда пойти к нему? — думала я. — Просто подойти и сказать: "Слушайте, Антон, вы мне интересны. Давайте поболтаем". Или это будет слишком по-детски?»

Я вздохнула и затушила сигарету о парапет. Решила пройтись по крыше, размять ноги. Наша пятиэтажка стояла в глубине квартала, и крыши соседних домов были ниже — к ним вели узкие переходы, которые мы иногда использовали, когда хотели исследовать новые места.

Я пошла в сторону дальнего конца, туда, где крыша выходила на внутренний двор. Двор-колодец — классика питерских пятиэтажек. Со всех сторон дома, внизу — мусорные баки, редкие фонари, вечные лужи. И тишина.

Я подошла к парапету, глянула вниз.

И вдруг услышала крик.

Сначала подумала, что показалось. Мало ли, может, кто-то дурачится или это шина взвизгнула, показаться могло. Но крик повторился — женский, отчаянный, полный ужаса.

Я замерла, вглядываясь в темноту внизу. Крыша соседнего дома выходила на внутренний двор — узкий, темный, заставленный мусорными баками. Фонари там не горели, толь-

ко слабый свет из окон первого этажа падал на асфальт.

Крик резко оборвался.

— Эй! — крикнула я, сама не зная кому. — Там кто-нибудь есть?

Ответом была тишина.

Я прислушалась. Ни шагов, ни голосов — ничего. Только ветер и где-то далеко сигнал машины.

Я перегнулась через парапет, пытаясь разглядеть что-то внизу, но не вышло. Из-за угла, со стороны арки, вынырнул человек. Он тащил за собой что-то тяжелое, волоча по земле. Я прищурилась, вглядываясь — и сердце ухнуло куда-то вниз.

Это было тело. Женское тело. Безжизненно болтающиеся руки, разметавшиеся по асфальту волосы, неестественно вывернутые ноги.

Человек в темной одежде, с капюшоном, низко надвинутым на лицо, волок девушку к мусорным бакам.

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Это шутка какая-то? Не может же быть такое, что это тот самый псих, о котором говорил Зорин? А если нет, то сколько тогда психов по Питеру разгуливало?

Человек вдруг замер, будто почувствовал чей-то взгляд. Он медленно поднял голову.

Я пригнулась, вжалась в парапет, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Не видит. Не может увидеть — темно, далеко, я на крыше.

Я зажмурилась что есть сил и стала считать про себя. Секунда. Две. Три. Вечность.

Пришлось собрать в себе последние остатки мужества, чтобы высунуться из своего укрытия.

Человек дернул на себя тело, затаскивая его в тень между баками, и дальше мне было уже не видно.

Я сидела, прижавшись к холодному бетону, и не могла пошевелиться. Мысли разбегались, путались, натыкались друг на друга. Я это видела, черт возьми. Я не сошла с ума. Нет, нет, нет. Это не галлюцинация и не пьяный бред. Я видела убийцу. Может, и не убийцу, конечно, но явно не самого безобидного парня на районе.

И... о боже... он мог видеть меня!

Я вскочила и побежала к люку, на ходу доставая телефон. Руки тряслись так, что я едва не выронила его в темноте.

— Ника! — крикнула я, скатываясь по лестнице на чердак. — Ника, твою мать!

Она уже ждала меня на лестничной клетке, кутаясь в свою куртку и что-то листая в телефоне. Увидела мое лицо и побледнела.

— Вась? Ты чего? Не ори так, разбудишь всех, ментов же вызовут, — прошипела она.

— Там... там, на крыше, — слова путались, не хотели складываться в связные фразы. — Я видела. Убийца. Маньяк. Или не убийца. Не знаю в общем, но он тащил тело, Ника. Он тащил куда-то тело девушки! Прямо по земле!

— Что? — Ника схватила меня за плечи. — Что ты несешь, Вась? Наслушалась Зорина своего?

— Нет! — Меня злил ее снисходительный тон, — Послушай, я серьезно, как никогда, блин! Я видела все своими глазами. — Я почти кричала, чувствуя, как паника заливает все внутренности ледяной волной. — И он меня видел. Ника, он смотрел на меня. Он знает, что я его видела. Нужно искать контакт Зорина! Нужно срочно рассказать это ему!

— Так, стоп, ладно, похоже, ты и правда не шутишь. — Ника взяла себя в руки, хотя голос ее уже дрожал. — И что ты видела? Ну, чтобы сказать этому твоему Зорину?

Я замерла.

Что я видела? Темноту. Силуэт в капюшоне. Тело, которое волокли по асфальту. И все. Ни лица, ни каких-то особых примет. А если Зорин спросит, какого роста был убийца, во что был одет, сколько ему лет? Что я отвечу? «Понятия не имею, было темно»?

— Я... — запнулась я. — Я не знаю. Там же было очень темно.

— То есть ты хочешь позвонить ему и сказать: «Майор Зорин, я видела, как кого-то тащили, но ни примет, ни особых черт не знаю»? — Ника выгнула бровь. — Он же пошлет тебя куда подальше.

— Но я должна что-то сделать! — выпалила я. — Не могу же я просто взять и забыть.

— Ладно. — Ника вздохнула. — Давай хотя бы придума-

ем, что ты ему скажешь. И попробуем найти его номер.

— Он же был в том клубе, может, до сих пор там? — предположила я.

— Пока будем кататься туда-сюда, нас тоже утащат за баки... — многозначительно протянула Ника.

— О нет, меня убьют. Ника, мне конец, — жалобно проскулила я.

— Спокойно, подруга. Так и быть, не буду тебе говорить, что не стоило тащиться на крышу в такое время. Надеюсь, ты раскаиваешься. У меня есть знакомые на юрфаке. — Она уже доставала телефон, листая контакты. — Сейчас, сейчас...

Мне было не до шуток. Возможно, потому что это я видела, как безжизненное тело девушки тащат по грязному асфальту, и не знала, увидело ли то животное меня или мою одежду. Так или иначе, я была благодарна Нике, потому что она уже позвонила своим важным знакомым, быстро переговорила, потом сбросила.

— Сказали приехать в отделение на Садовой. Зорин сейчас там. Он курирует это дело, его как раз вызвали срочно. Такси будет через десять минут.

Я выдохнула, чувствуя, как страх постепенно отпускает, сменяясь лихорадочным возбуждением.

— Поехали. Быстрее.

ГЛАВА 7. РОЗОВЫЙ ПОЛУШУБОК

Такси несло по ночному Питеру, разрезая лужи и мигая поворотниками. Я сидела на заднем сиденье, вцепившись в колено Ники, и не могла успокоиться. Пальцы дрожали, в голове пульсировала одна единственная мысль: я видела, видела, я все видела.

— Вась, успокойся. — Ника сжимала мою ладонь, пытаясь поддержать, хотя сама была не лучше и всегда старалась придавать коже оттенок аристократической бледности самым светлым тоном пудры. — Ты трясешься как осиновый лист.

— Как я могу успокоиться? — Я повернулась к ней, чувствуя, как голос срывается на крик, и, бросив взгляд на водителя, зашептала ей на ухо: — Ника, я видела труп. Человек тащил тело, как мешок с мусором. А этот... этот урод видел меня. Точно видел!

Ника тоже бросила взгляд в сторону водителя и так же тихо заговорила:

— Формально, мы не знаем труп это или... — Она осеклась, поймав на себе мой убийственный взгляд. — Да, да, ты права. Поэтому мы и едем к Зорину, — твердо добавила она, для большей убедительности кивая головой. — Расскажешь

все, он разберется. Это его работа.

Я кусала губу от стресса. Ладно, сделаю вид, будто не заметила, что она пытается говорить со мной, будто я сумасшедшая. Просто проигнорирую этот факт, ведь сейчас есть дела поважнее.

За окном проплывали пустые мокрые улицы. Огни витрин отражались в лужах, создавая причудливую, мерцающую картину. Город видел десятый сон, не подозревая, что где-то там, в темном дворе-колодце, только что произошло убийство. Да хрен с ним, «возможно» произошло.

Отделение на Литейном оказалось серым, неприметным зданием, каких в Питере сотни. Ника договорила о чем-то с таксистом, и мы вбежали внутрь, отряхивая капли дождя с курток.

Дежурный — пожилой мужчина с роскошными усами — поднял на нас тяжелый взгляд.

— Мы к майору Зорину, — выпалила я, почти не дыша.
— По срочному делу.

— А он вас ожидает?

— Ожидает! — Я повысила голос, переглянувшись с Никой, та уверенно кивнула.

Усатый помедлил и кивнул на пластиковые стулья у стены.

— Имя? — спокойно спросил он.

— Василиса Ромашкина, — сообщила я.

— Подождите. Доложу.

— Мы не будем ждать! — Я уже шагнула к коридору, когда Ника схватила меня за руку.

— Вась, не кипятись. Сейчас все будет, ну.

Минута ожидания показалась мне вечностью. Я мерила шагами холл, сжимая и разжимая кулаки. Ника сидела, прикрыв глаза, и массировала виски, томно вздыхая. Она изображала вселенскую усталость, но я-то прекрасно знала, что устать она сегодня могла разве что от активных тусовок.

— Вась, ну прекрати уже эти хождения, — простонала она. — Если у меня сегодня будут отеки под глазами, я, честное слово, не прощу тебе испорченное свидание.

Я замерла, прожигая подругу взглядом. Да вот только она не могла этого видеть, продолжая свой «сеанс релаксации». Я хотела было уже возмутиться в полный голос, но усатый наконец вернулся и кивнул на дверь в конце коридора.

— Заходите. Только спокойнее, дамочки. Спокойнее.

Я пролетела мимо этого мужика, смерив его недовольным взглядом. Мы прошли по длинному коридору с казенными стенами, мимо закрытых дверей с табличками. Я толкнула нужную дверь, не постучавшись, и влетела внутрь, как торнадо.

Зорин переглянулся с мужчинами в форме — те лишь недоуменно пожали плечами, явно не понимая, что происходит и кто эта наглая девчонка, ворвавшаяся к ним посреди ночи.

— Подождите здесь, — сказал он коллегам. — Мы нена-

долго.

Он вышел из-за стола, кивнул мне и Нике, и направился к выходу из кабинета.

— Пройдемте в соседнюю комнату, — бросил он через плечо. — Там поговорим.

Мы вышли следом. Он открыл дверь в соседний кабинет — такой же маленький, душный, заваленный папками, но пустой. Жалюзи на окнах были опущены.

Зорин закрыл за нами дверь, подошел к столу и повернулся ко мне.

— Что происходит? — сказал он ровно, без намека на приветствие.

— Я видела убийцу! — выпалила я, подлетая к столу и опираясь на него руками. — Сегодня ночью, на крыше. Сначала услышала крик, а потом увидела, как какой-то человек в капюшоне тащит тело девушки к мусорным бакам. Девушка, мертвая, я уверена. Он убил ее и...

— Василиса, да? — Зорин перебил меня, поднимаясь из-за стола. Он был выше, чем я запомнила, и его спокойствие действовало на нервы сильнее, чем если бы он начал кричать. — Вы можете говорить тише? Здесь не конференц-зал и не ваша тусовка.

— Да что с вами со всеми? Вы меня вообще слышите? Какая разница, тише или громче? — Я не сбавила тон. — Я говорю вам: человек убит. Ее тело сейчас лежит где-то в переулке по Малой Посадской, на Петроградской стороне.

За мусорными баками. Если вы немедленно не вышлете туда людей, то...

— Мы уже послали. — Зорин прервал меня, и я замерла с открытым ртом. — Тело девушки нашли еще несколько часов назад. В том же районе, но не в том месте, которое вы описываете. Другой двор, другой дом.

— Но... — растерялась я. — Это было не несколько часов назад, понимаете? Значит, есть еще одно тело...

— Приметы? — Зорин смотрел на меня в упор. — Что вы видели, кроме темного силуэта и тела? Во что была одета девушка? Рост, волосы, особые приметы?

Я задумалась, прокручивая в голове картинку. Было слишком темно, чтобы что-то четко разглядеть. А еще слишком далеко и слишком страшно. Но вот кое-что я, кажется, вспомнила.

— Розовый полушубок, — сказала я, внезапно даже для самой себя. — Искусственный мех, кажется. Я разглядела, когда он тащил ее мимо фонаря. Розовый, короткий.

Зорин нахмурился. Что-то мелькнуло в его глазах.

ГЛАВА 8. ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА?

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение немного отпускает. Меня слышали. Наконец-то.

— Допустим. — Зорин снова сел за стол, жестом приглашая нас сесть на стулья напротив. — Но мне нужно больше конкретики, а не это сумбурное размахивание руками. Вы видели лицо? Можете описать? Рост или телосложение? Одежду? Особые приметы?

— Нет. — Я тоже опустилась на стул, чувствуя, как силы покидают меня. — Было темно. На человеке был капюшон. Я видела только силуэт.

— Силуэт, — повторил он с легкой усмешкой. — Хорошо. А девушку? Тоже силуэт?

— Девушку я почти не видела, только когда он тащил ее мимо фонаря. Розовый полушубок. Короткий, пушистый. И волосы... кажется, светлые.

Зорин что-то пометил в блокноте.

— Дальше.

— И он посмотрел на меня, — добавила я. — Он поднял голову и посмотрел прямо на меня. Я уверена.

Зорин помолчал, изучая мое лицо. Потом откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Хорошо, Василиса. Допустим, вы все это видели. Но у меня есть один вопрос. — Он наклонился вперед. — Вы что-

нибудь употребляли в течении последних суток? Алкоголь? Что-то еще?

Я замялась. Ника за моей спиной издала какой-то сдавленный звук.

— Бокал шампанского, — сказала я. — Один.

— Один? — Зорин выгнул бровь.

— Ну... может, два. И коктейль. — Я почувствовала, как щеки заливают краской. — Но я была в полном порядке. Я адекватно оценивала ситуацию.

— Конечно, — с издевкой сказал он. — Вы выпили алкоголь, потом полезли на крышу, где находиться вообще-то — так, к слову, — запрещено. В темноте увидели какую-то тень и решили, что это маньяк. Я правильно понимаю?

— Не какую-то тень! — Я вскочила. — Я видела тело! И слышала крик!

— Сядьте, — сказал он спокойно, и я не стала спорить. — Я не говорю, что вы ничего не видели. Но как следователь я должен учитывать все факторы. В том числе и состояние свидетеля.

— То есть вы мне не верите?

Я вся кипела от негодования.

Он помолчал, потом встал из-за стола.

— Хорошо, — заключил он, не ответив на мой вопрос. — Поедете с нами. Покажете место.

Я опешила. Не ожидала такого поворота.

— Правда?

— Вы — свидетель. — Он говорил ровно, без намека на любезность. — Без вас мы не поймем, откуда тащили, куда тащили, в каком направлении скрылся предполагаемый преступник. Это нужно показывать на месте. Только, Василиса... — Он посмотрел на меня в упор. — Если мы приедем на место и ничего не найдем, вы поедете домой и забудете эту историю. И больше не будете дергать меня по пустякам.

— А если найдем? — не сдавалась я.

— Тогда будем разбираться, — сказал он и передернул плечами. — А вот ваша подруга останется здесь.

— Что? — подала голос Ника. — Почему?

— Потому что видела Василиса, — отрезал Зорин. — И потому что вы, судя по всему, тоже не воду пили. Я прав?

Ника покраснела и что-то невнятно пробормотала.

— В общем, так. — Зорин уже надевал куртку. — Василиса едет со мной. Вы ждете здесь или едете домой.

— Я буду ждать здесь. — Ника посмотрела на меня. — Ты позвонишь?

— Конечно. — Я сжала ее руку на прощание.

Мы вышли на улицу. Ночной Питер встретил нас холодным ветром и морозящим дождем. Зорин сел за руль рабочей машины, я — на пассажирское сиденье впереди. Всю дорогу он молчал. Только один раз спросил, не глядя на меня:

— И часто вы на крыши лазаете?

— Не ваше дело, — буркнула я.

— Угу, — усмехнулся он. — Мне кажется, или вам вооб-

ще плевать на правила?

— Не кажется, — ответила я. — Вы же гений сыска.

Он ничего не сказал, но я заметила, как дернулся уголок его губ. Мы ехали молча. Город за окном мелькал огнями витрин и редкими фарами машин. Я смотрела на темные силуэты домов и думала о том, что сейчас увижу то место снова. Только теперь не с крыши. А если там и правда будет та девушка... Черт.

Сердце колотилось где-то в горле.

Мы приехали на Малую Посадскую. Зорин заглушил двигатель, вышел из машины. Я старалась не отставать.

— Ну, показывайте, — сказал Зорин, включая фонарик на телефоне.

Я подошла к тому углу двора, откуда смотрела с крыши.

— Я была там. — Я показала рукой на парапет, за которым пряталась. — А он был там. — Теперь на арку, из которой вынырнул силуэт. — Вышел оттуда. Тащил ее к бакам. Волоком. Она не двигалась.

Зорин подошел к арке, посветил фонариком на асфальт. Потом медленно прошел до мусорных баков, осматривая каждый метр.

— И куда он скрылся?

— За баки. Я не видела дальше. Мне показалось, что он заметил меня, и я спряталась.

Он ходил по двору минут десять. Светил на стены, на асфальт, на баки. Потом вернулся ко мне.

— Здесь ничего нет, — сказал он. — Ни крови, ни следов волочения. Ничего.

Он обошел двор еще раз, подсвечивая темные углы фонариком. Я не знала, что он ищет, поэтому просто наблюдала со стороны.

— Возможно, вам показалось, — заключил он и посмотрел на меня в упор. — Алкоголь плюс темнота, плюс впечатлительность. Не самый надежный коктейль для свидетельских показаний.

— Я была трезвая! — почти крикнула я.

— Два бокала шампанского и коктейль, — напомнил он. — Я приму ваши показания к сведению, но пока они нам мало что дают.

Хотелось расплакаться от бессилия. Как так вышло, что ничего нет?

— Я вызову людей, мы проверим соседние дворы. Поговорю с местными. Но вы — поедете домой. Сейчас.

— Я могу помочь...

— Вы уже помогли, — перебил он. — Дальше — наша работа.

Я хотела спорить, но поняла, что бесполезно. Он уже поворачивался к машине.

— Вас отвезти обратно к участку или куда-то еще?

— Мне сообщат, если вы что-то найдете? — спросила я, не обращая внимания на его вопрос. — Я имею право знать.

— Если мы что-то найдем, вас в любом случае привлекут

в качестве свидетеля.

Он пошел к машине, и мне пришлось пойти следом за ним. Остаться здесь одной совсем не хотелось.

— В участок. Там же Ника ждет, — буркнула я, закрывая дверь авто.

Я закрыла глаза и выдохнула. Руки тряслись. Ника прислала сообщение.

«Ну что?»

«Ничего не нашли. Считает, мне померещилось. Едем обратно».

«А ты что думаешь?»

Я посмотрела на темный двор, проплывающий в окне, и ничего на это не ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.